

ОКТЯБРЬ В САРАТОВЕ

НОЧЬ НА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Сорок шесть лет прошло с тех пор, но не сглаживается в памяти ночь на 27 октября 1917 года.

В помещении консерватории должен состояться пленум Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. Слова «Петроград», «большевики», «Ленин», «восстание» люди передавали друг другу как революционную эстафету. Открытия пленума все ждали с огромным нетерпением. Кроме членов Совета и представителей фабрично-заводских комитетов, пришли сотни рабочих и солдат. Те, кто не смог войти, стояли толпой у подъезда. У многих в руках свежие, пахнувшие типографской краской листовки городского комитета большевистской партии.

Это происходит под знаком выполнения решений VI съезда партии, который состоялся накануне нового революционного подъема. Саратовские большевики подняли пролетариат и беднейшее крестьянство на вооруженное восстание во имя победы социалистической революции. Они несли в массы манифест съезда, который призывал всех трудящихся, всех рабочих, солдат, крестьян готовиться под знаменем большевистской партии к решающей схватке с буржуазией.

...Становится известно, что городская дума и управа не желают добровольно уходить со сцены.

Еще 10 октября, после принятия Советом резолюции об отказе признать правительство Керенского, меньшевики заявили, что они выходят из исполкома, а эсеры — из исполкома и Совета.

В час ночи я как председатель Совета открываю пленум.

Неожиданно на заседание явились меньшевистские лидеры. Меньшевик Чертков пытается торжественно огласить «телеграммы» о победах Керенского, о том, что его войска якобы вступили в Петроград. Черткову не дают говорить. Отовсюду сыплются возгласы:

— Ложь! Долой!

— Нет, я не лгу! — кричит Чертков. — Вам лгут и скрывают истинное положение вещей большевистские руководители. Поймите, вас тянут в пропасть, вы будете в ближайшие дни уничтожены революционной демократией, которая верит Временному правительству, верит уважаемому вождю товарищу Керенскому.

Возмущение зала достигает предела. Дружные крики «долой!» снова заглушают меньшевистского оратора. Едва-едва его можно услышать в первых рядах.

Большевики выступают с ответом на позорную речь Черткова. Оценка меньшевистской позиции самая резкая. В час величайших исторических событий, когда наши братья — рабочие Петрограда с оружием в руках восстали против буржуазии и когда стало известно, что войско атамана Каледина идет на Царицын, господа меньшевики не нашли ничего более достойного, чем пугать нас Керенским. Они требуют от нас, представителей рабочего класса и крестьянства, отказаться от поддержки восставших товарищей, осудить рабочих и солдат, проливающих свою кровь на улицах Петрограда, и поддержать палача Керенского! В трудный, напряженный момент меньшевики сыграли гнусную роль, пытались самым подлым образом обмануть рабочих и солдат.

Вопрос ставится на голосование.

— Кто против восставших рабочих и солдат Петрограда?

В зале воцаряется необыкновенная тишина. Поднимается не более десятка рук, и снова крики негодования.

— Кто за Совет? Кто за рабочую и солдатскую власть?

Лес рук. Овация, громовые крики «ура!». Члены Совета, все присутствующие рабочие и солдаты голосуют за Совет. Звучат возгласы в честь питерских рабочих, Советской власти, в честь партии большевиков и товарища Ленина.

Чертков и предводительствуемые им меньшевики тянутся к выходу.

— Долой! Скатертью дорога! — несетя им вслед.

В разгар заседания наши товарищи сообщили, что городская дума создала свой штаб и готовится к нападению на Совет. Когда я сообщил об этом, по залу прокатилась волна возмущения. Все поднялись с мест, у многих в руках револьверы.

Пленум Совета закрыт. Большевики выходят на улицы, отправляются в солдатские казармы, на заводы, фабрики, чтобы рассказать о последних событиях, поднять народ на защиту Совета.

И вот уже четыре часа утра 27 октября. Здание Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зеркальный зал. Открывается первое заседание исполнительного органа пролетарской власти в нашем городе.

Мы избираем бюро исполкома. Оно представляло собой «узкий состав» исполкома, заменяло его в некоторых случаях и было перед ним ответственно за свои действия. В состав бюро вошли: П. Алексеев, В. Антонов, В. Бабушкин, М. Васильев, М. Венгеров, П. Лебедев, В. Радус-Зенькович, М. Савельев.

Исполком решает немедленно подготовить два важнейших документа: обращение к населению о переходе государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов и местный

декрет (приказ) о земле. Времени в обрез. Но работаем мы с большим воодушевлением — дело спорится. Заседание исполкома ведет И. К. Плаксин, а я усаживаюсь у подоконника и начинаю писать проект декрета о земле.

Обсуждается обращение к населению. В нем говорится, что трагическое положение страны заставило петроградских рабочих и солдат отстранить от власти правительство Керенского и Коновалова. Власть в Петрограде перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

Наш Совет потребовал от всех служащих правительственных и общественных учреждений оставаться на своих местах и беспрекословно подчиняться распоряжениям Совета и его органов. Войска местного гарнизона должны находиться в боевой готовности и подчиняться лишь распоряжениям президиума военной секции Совета. Мы обратились к рабочим с призывом не оставлять работу, а к фабрично-заводским комитетам — обеспечить нормальное течение жизни на предприятиях.

Декрет о земле (в последующих изданиях он был назван приказом) требовал все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли немедленно взять на учет и передать в распоряжение земельных комитетов. Скот должен быть использован для нужд крестьянской бедноты, каждый раз с разрешения комитета или соответствующих организаций. Сельскохозяйственный инвентарь (плуги, жнейки, веялки и пр.) используется на полевых работах, а потом в исправном виде возвращается под контроль комитетов. Декрет также предусматривал тщательную опись и строгое сохранение помещичьих усадеб и домов буржуазии со всем их внутренним убранством, книжными хранилищами, художественными ценностями.

Пока на заседании исполкома зачитывается обращение к населению и приказ о земле, в здании слышатся громкие возгласы, звяканье оружия. Это пулеметчики приходят охранять Совет. Они становятся как бы непосредственными участниками заседания исполкома, внимательно слушают, ободряюще улыбаются. Солдаты еще и еще раз убеждаются, что Советская власть — власть народа. Крепче сжимают они в своих руках оружие, готовые до последнего защищать свою власть, свой Совет.

А мы продолжаем решать неотложные дела. Намечается захват телефонной станции и телеграфа. Что вокзал занят дружиной рабочих-железнодорожников, уже известно. Решаем выключить все телефоны городской думы и частных лиц, кроме некоторых, нужных нам. Смещаем губернского комиссара Временного правительства. Временным губернским комиссаром Советской власти назначен П. А. Лебедев. Советские комиссары назначаются во все уезды. Исполком запрещает редакциям печатных органов враждебных партий и типографиям публиковать антисоветские статьи, прокламации, воззвания. В продовольственную управу посылаем своих людей из продовольственного отдела Совета.

Ночь убывает незаметно. Только мы собираемся немного поспать, как приходят с телефонной станции: телефонистки отказываются работать под контролем большевиков. Наш комиссар Тугусов и просил, и грозил, и обещал даже... угостить пирожными за исправную работу — все напрасно. Телефонистки ругались, плакали, но работать упорно не хотели. Что ж, приходится заменить «телефонных барышень» солдатами-связистами Саратовского гарнизона.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Проходят сутки. Обстановка в городе не теряет остроты. Городская дума и Совет — обе стороны — готовятся к схватке в открытом бою.

Губернский комиссар Временного правительства Топуридзе и городской голова Мукосеев обращаются «ко всем гражданам г. Саратова». Они приказывают всем способным носить оружие, всем солдатам и офицерам немедленно явиться в городскую управу и предоставить себя в распоряжение так называемого «Комитета спасения революции», созданного приверженцами Керенского. Около трех тысяч явных врагов пролетарской власти являются на думские баррикады. Но мы принимаем необходимые меры предосторожности. Военские части и красногвардейцы окружают думу. Артиллеристы подвозят орудия. Всеми операциями руководит военный совет, состоящий из трех человек: М. И. Васильева, надежного офицера П. К. Щербакова и меня как председателя Совета и исполкома.

Офицера П. К. Щербакова выдвигают сами солдаты, члены военной секции Совета. Он одет в солдатскую шинель, среднего роста, широкоплеч, серые глаза смотрят прямо. Спрашиваю его:

— Вы за Советскую власть?

— Да.

— Вы знаете, на что идете? Если погибнем мы, погибнете и вы. Командующего большевистскими частями не пощадят.

— Да, знаю.

— А знаете, что если вы нам измените, то и мы вас не пощадим?

— Да, я отвечаю головой, но прошу и требую, чтобы мне была предоставлена оперативная свобода.

После этого разговора решаем образовать военный совет в составе трех человек. Исполком утверждает его состав, и мы поочередно работаем с нашим новым командующим. Он держится независимо, проявляет незаурядные способности. Мы видим в нем человека дела, но на первых порах относимся настороженно — правда, всячески стремимся не подать повода к обиде. Петр Карпович Щербаков оказался достойным нашего доверия. Вскоре его приняли в партию.

По нашим военным приготовлениям и решительным действиям городская дума понимает, что мы шутить не намерены. Члены думы просят принять их делегацию для мирных переговоров. Соглашаемся и требуем немедленной капитуляции. Вот запись в протоколе исполнительного комитета Саратовского Совета от 29 октября: «После начала пальбы приходили три делегации, самым отвратительным и трусливым образом торговались. Наконец условия были ими приняты».

Первая попытка саратовской буржуазии подавить Советскую власть в городе провалилась. Ни в те дни, ни потом большевистский красный флаг не опускался со здания исполнительного комитета Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Нас воодушевляют декреты, принятые II съездом Советов, написанное В. И. Лениным обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!». II съезд Советов постановил, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны обеспечить революционный порядок.

...К городу стягивается 2-я Оренбургская казачья дивизия. Казаки были направлены Временным правительством в помещичьи усадьбы, чтобы «защитить» их от крестьян. Бывший комиссар Топуридзе, эсеры и какой-то купец Юрьев просят дивизию прибыть в Саратов «для подавления большевистского бунта». В листке войскового атамана Дутова опубликовано провокационное сообщение: «Из Саратова. Город в руках большевиков. Офицеры и юнкера в каторжной тюрьме испытывают на себе режим хуже германского: их морят голодом, бьют плетями, прикладами, на день приковывают к стенам, не дают спать... В городе грабежи, расстрелы и виселицы. Войсковой атаман Дутов отдал приказ Оренбургской дивизии, находящейся вблизи Саратова, освободить город от большевиков».

Над городом снова нависает опасность. Восстанавливается военный совет, созданный в период думского мятежа.

Но мы надеемся не только на силу оружия, хотя в военном отношении довольно сильны: в городе расквартированы надежные воинские части, красногвардейцы, в их руках много пушек, около трехсот пулеметов. Надеемся прежде всего на силу своих идей, большевистской агитации.

Тем временем саратовские солдаты выбирают из своей среды делегатов и отправляют их брататься с казаками. В ответ в город приезжает делегация казаков. Они просят прислать к ним «знающего человека, который надоумил бы всю команду». Два члена Саратовского Совета едут в казачью дивизию. Они выигрывают бой за души людей: казаки устраивают сходки, говорят, что хотят не в Саратов, а по домам. Мы, в свою очередь, сообщаем казакам, что исполком Саратовского Совета принял решение разрешить им бесплатный проезд по железной дороге к себе на родину. Казаки покидают окрестности города.

Сорвана еще одна военная провокация, затеянная городской думой, эсерами и меньшевиками.

Мы с радостью узнаем о торжестве Советской власти на территории огромной страны, о победном марше социалистической революции. Проваливается поход Керенского — Краснова. В Петрограде ликвидирован контрреволюционный заговор, организованный кадетами. Подавлено восстание казачьих верхов на Дону и Южном Урале.

КАК ПЫТАЛИСЬ ИЗОЛИРОВАТЬ БОЛЬШЕВИКОВ...

Но враги не сдаются. Они задумали спровоцировать всеобщую забастовку саратовских служащих и таким образом парализовать жизнь города. Копшатся эсеры и меньшевики, проводят собрания служащих; навязывают резолюции о забастовке.

Не дремлет и Совет. Он принимает воззвание, которое заканчивается словами: «Если же служащие не одумаются, то, возлагая всю ответственность на них, исполнительный комитет при общем сочувствии населения примет меры, включая самые решительные, дабы восстановить нормальную жизнь в городе и спасти население от последствий преступной забастовки».

Президиум военной секции Совета предостерегает: поддавшиеся враждебной агитации служащие, организовав забастовку, могут поднять против себя солдат гарнизона. Эсеры и меньшевики идут на попятную. Объявив об отмене забастовки, они утешаются лишь тем, что в который уж раз призывают солдат и рабочих «сбросить иго большевиков».

Получив удар в открытом бою, наши противники избирают другую тактику — саботаж. «Необходимо изолировать большевиков от какой бы то ни было культурной поддержки», — вопит в «Саратовском листке» главарь местных кадетов (конституционных демократов). Известно, какую преступную роль сыграли кадеты в Петрограде и Москве. У нас, в Саратове, они держали себя не лучше, и большевики вели с ними самую решительную борьбу.

Кое-кто из служащих подхватывает кадетский лозунг, и саботаж растет. Агитаторы-большевики на собраниях пытаются урезонить саботажников.

— Вы скоро слетите, хамы! Вам не удержаться, — кричат разъяренные мещане. Наши попытки убедить их принимаются этими людьми за признак слабости Совета. Саботаж не прекращается.

Выждать дальше значило бы проявить действительную слабость. Исполком Совета принимает решение — немедленно направить в ведущие учреждения комиссаров с широкими полномочиями Совета.

Перед нашими товарищами предстала омерзительная картина: саботажники из числа служащих воруют переписку, уничтожают

дела, растаскивают пишущие машинки и прочее оборудование. На телеграфе они наладили переговоры по проводам между нашими врагами — калединцами и дутовцами. И в то же время положили под сукно, утаили от нас около двух тысяч важных телеграмм Советского правительства, центральных органов. Главный комитет Рязано-Уральской железной дороги, находившийся в руках меньшевиков и эсеров, помогает передвижению контрреволюционных отрядов.

Надо начинать решительное наступление на старую, буржуазную государственную машину, создавать свой, советский аппарат управления местными делами. Во всей этой огромной работе саратовские большевики руководствуются ленинскими указаниями, директивами Центрального Комитета нашей партии, решениями ее съездов. Иногда приходилось искать самостоятельные решения. Их подсказывали партийный опыт и осознание ответственности за свои действия.

Одним из первых жизнь ставит перед Советом продовольственный вопрос. Тут «командуют» враждебные нам губернская и городская продовольственные управы с разветвленным аппаратом в городе и губернии. Как к нему подступиться?

Некоторые из нас опасались, что трудно будет справиться со снабжением населения. Кое-кто предлагал пока не трогать старые продовольственные органы. Наши представители сталкиваются там с упорным саботажем. Руководители продовольственной управы направляют исполкому письмо, в котором заявляют, что служащие не приступят к работе, пока исполнительный комитет Совета не издаст распоряжения о снятии политического контроля большевистского Совета над работой продовольственной организации и не гарантирует личную неприкосновенность работникам управы. И тут — наша ошибка: мы удовлетворяем это требование, исполком Совета большинством голосов решает отозвать своих представителей и снять контроль.

Последствия такого необдуманного шага не замедлили сказаться. Меньшевики, эсеры, кадеты, окопавшиеся в продовольственных органах, сообща пускаются на провокацию, благо подвертывается удобный случай: в продажу должна поступить новая партия сахара. У продовольственных лавок скапливаются огромные очереди. Люди не могут понять, в чем дело, долгое бессмысленное ожидание взвинчивает их. Зреет недовольство. Наконец сахар начинают выдавать. Но по какой цене! В пять раз дороже. Это переполняет чашу терпения. А заведующие районными продовольственными лавками тут как тут и «объясняют»: дескать, распоряжение большевистского Совета.

Толпа, в которой преобладают женщины, направляется к зданию исполкома. Провокаторы призывают учинить погром. Члены исполкома выходят к собравшимся и разъясняют, что Совет никаких решений по продовольственным делам не принимал. Через некоторое время мне звонит председатель продуправы. Он просит

защиты — прислать вооруженную охрану. Оказывается, толпа идет расправляться с провокаторами-продработниками. Кое-кому из них в тот день крепко досталось.

Но урок не идет впрок. Меньшевики и эсеры продолжают чинить всевозможные препятствия. Они поговаривают о «костлявой руке голода», которая, дескать, задушит большевиков. Теперь уже в исполкоме Совета созревает единодушное решение: со старой продовольственной управой надо кончать.

Мы упраздняем управу и вместо нее создаем совет продовольственных комиссаров. Тридцать членов исполкома, крестьян, направляются принимать продовольственный аппарат. Трудно приходится нашим товарищам. Но они делают все, чтобы снабдить население продовольствием, отправить хлеб Петрограду, Москве и другим районам страны. В деревню уходят продотряды, конфискуется хлеб у крупных торговцев Саратова; исполком Совета обращается к крестьянам с воззванием: «Хлеба нет, дайте хлеб!»

РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Почувствовав, что большевики смело берутся за дело и решительно пресекают саботаж и провокации, прихвостни буржуазии поднимают злобный вой.

Городской комитет партии и исполком Совета обсуждают создавшееся положение. По предложению горпарткома исполком выносит решение закрыть прессу врагов — газеты «Почта», «Вестник» и другие.

Следующий шаг — захват банков. Эту меру ускоряют сообщения, которые мы получаем от преданных нам служащих банков и почтово-телеграфных контор: местные промышленные и торговые тузы переводят капиталы из саратовских банков в банки тех городов, где хозяйничает атаман Каледин.

Операцию готовим в строжайшей тайне. В полдень 18 ноября несколько отрядов рабочих-красногвардейцев и солдат неожиданно появляются во всех саратовских банках. У денежных кладовых и сейфов устанавливается вооруженная охрана. Все служащие остаются на своих местах, в помещение никого не допускают. Через два часа операция закончена. Ознакомившись с финансовыми документами, узнаем, что около двадцати миллионов рублей капиталистам все-таки удалось перевести в районы, где власть была в руках белогвардейцев. Наша нерасторопность обошлась нам в буквальном смысле этого слова дорого.

На следующий день после занятия банковских учреждений исполком Совета опубликовал сообщение о введении контроля над банками, в котором говорилось, что с сегодняшнего дня ни одна копейка не уйдет из банка без ведома нашего комиссара по финансовым делам (эти обязанности исполнял председатель исполкома Совета), ни одна копейка не пойдет во вред народу.

Исполком обратился к населению с призывом к спокойствию и сохранению вкладов. «Банк — крепость капиталистов — берется под народный контроль». Так мы выполнили указание В. И. Ленина о захвате банков — опоры господства буржуазии.

Через три дня появляется думское воззвание «К гражданам». Оно расклеивается на стенах и заборах. Дума не согласна, дума протестует и, видите ли, отказывает большевикам в праве «распоряжаться деньгами, принадлежащими всему народу».

По существу, это призыв к новому мятежу. Промедление грозит нам неприятными последствиями. Осуществить роспуск думы горпартком и исполком Совета поручают той же группе, которая занималась захватом банков.

Приказ о роспуске городской думы гласит: «1. Саратовскую городскую думу и ее исполнительный орган — управу распустить. 2. Днем роспуска считать 25 ноября 1917 года. Дабы хозяйственная жизнь города не пострадала, назначить особых комиссаров. Совет городских комиссаров заступает управу впредь до новых выборов думы. 3. Всем служащим саратовского городского самоуправления оставаться при исполнении служебных обязанностей, самовольно оставивших службу считать немедленно уволенными. 4. Новые выборы назначить немедленно особым приказом по составлению правильных списков (избирателей); виновные в неподчинении настоящему приказу, а также в умышленной порче или уничтожении городского имущества подвергаются аресту для предания военно-революционному суду».

В городской думе нас не ждали. Когда гласные думы узнают, в чем дело, шум и крик поднимаются невероятные.

Однако после долгих разговоров благоразумие берет верх. От имени служащих кто-то обещает, что с понедельника все выйдут на работу. Члены управы скорбно пишут, что они под давлением исполкома отказываются от своих постов и передают ключи комиссарам большевиков.

Но мы не спешим радоваться мирному исходу. Как и предполагали, на следующий день происходит нелегальное чрезвычайное заседание думы, которая принимает протестующее постановление. Дума не хочет признавать себя распущенной. Она намерена продолжать свою деятельность впредь до окончания полномочий, призывает население и служащих городского самоуправления к протесту. Это постановление думцы нахально расклеивают рядом с нашим приказом о роспуске думы. Немногочисленные служащие, следуя неразумным призывам своих вожakov, хотят бастовать. Но тщетно. Дума изжила себя. Основная масса населения ее не поддерживает. Еще несколько тайных сборищ, еще несколько ядовитых протестов и резолюций — и все. Городской думы не стало.

Шаг за шагом саратовские большевики ломают сопротивление свергнутых классов, крушат старую государственную машину, строят советский аппарат.

Рабочие, солдатские, крестьянские массы идут за большевиками. Народная поддержка придает нашей работе небывалый размах, делает ее боевой, действенной. За короткий, всего двухмесячный, срок в условиях острейшей классовой борьбы заканчивают свое существование полицейские участки, канцелярии губернского и уездных комиссаров Временного правительства, губернское присутствие, жандармское управление, городские думы и управы, старые земские учреждения, продовольственные управы, прокуратура, суд.

Развивается и крепнет власть народа, создается аппарат Советского государства. Саратовские большевики, как и их товарищи по всей стране, отдают этому великому делу всю свою энергию, все свои силы.

*Советы депутатов трудящихся, 1963,
№ 11, с. 77—82*